

И.З. Шишков

Принцип минимальной соизмеримости Х. Шпиннера

Шишков Иван Захарович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии. Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова. Российская Федерация, 117997, г. Москва, ул. Островитянова, д. 1; e-mail: ivan_shishkov@list.ru

В статье предпринята попытка реконструировать оригинальное решение фундаментальной для англо-американской исторической школы (Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда) *проблемы несоизмеримости*, предложенное Хельмутом Шпиннером, видным представителем немецкого критического рационализма (далее – КР). Показано, что данное решение стало возможным на пути переосмысления недостатков ортодоксального КР К. Поппера и Х. Альберта, главный из которых Шпиннер усматривал в «дефиците» плюрализма и критицизма. Для его преодоления он счел необходимым развивать КР в направлении «плюралистически расширенного фаллибилистского критицизма» фейерабендовского толка с некоторыми нововведениями. Предложенная Шпиннером новая версия КР имела в своей основе следующие три фундаментальных принципа: 1) *принцип радикализации плюрализма (гиперплюрализма)*; 2) *принцип погрешимости фаллибилизма (гиперфаллибилизма) (Fallibilität des Fallibilismus)*; 3) *принцип (требование) минимальной соизмеримости теорий*. Сущность и содержание третьего принципа сводятся к следующему. Минимальная соизмеримость означает, что конкурирующие теории соизмеримы хотя бы в одном существенном моменте: соизмеримость такого рода опосредована «теориями-перехода». Несоизмеримые теории отнюдь не бесполезны, ибо благодаря «теориям-перехода» они могут стать соизмеримыми, хотя бы в минимальном смысле. И эта минимальная соизмеримость является наиболее существенной и желанной для теоретического плюрализма, так как лишь она обеспечивает максимальную критику альтернативных теорий, расширяя тем самым возможности конфронтации и усиливая в целом плюралистический критицизм.

Ключевые слова: Хельмут Шпиннер, критический рационализм, проблема несоизмеримости, плюрализм, фаллибилистский критицизм, принцип гиперплюрализма, принцип гиперфаллибилизма, принцип минимальной соизмеримости, альтернативные теории

Х. Шпиннер о недостатках ортодоксального КР

Интерес и актуальность обращения автора к идеям Хельмута Шпиннера обоснованы прежде всего тем, что немецким философом дано оригинальное решение фундаментальной для англо-американской исторической школы (Т. Куна, П. Фейерабенда) *проблемы несоизмеримости*. И это решение представляет сегодня не только

историко-философский интерес, но и может служить своеобразным ориентиром для поиска новых решений фундаментальной для современной философии и методологии науки проблемы выбора научной теории.

Хельмут Шпиннер (р. 1937) – видный представитель немецкого КР. О значении и влиянии философии и методологии КР во второй половине XX в. на западную в целом и британскую в частности философскую мысль очень точно высказался У. Бартли: «Можно сказать, что Поппер и его друзья и коллеги представляют собой “официальную оппозицию” господствующей британской идеологии; и все, что является творческим в современной британской науке и философии, есть результат влияния их работ» [Bartley, 1980, S. 67]. Правда, сегодня, в первой половине XXI в., интерес к КР и его авторитет не столь значительно высоки в Англии. В Германии же, напротив, после необоснованных заявлений оппонентов КР о его «конце» в 80-х гг. прошлого столетия интерес к нему в последнее время заметно возрос. О его сегодняшнем влиянии и значимости, особенно в лице его главного теоретика Ханса Альберта (1921–2023)¹, в духовной жизни современной Германии свидетельствует тот факт, что в 2020 г. был основан Институт Ханса Альберта в качестве аналитического центра, способствующего продвижению и развитию критически-рационального мышления в политике, бизнесе и обществе с целью, по словам Шпиннера, «образумить людей и общество посредством науки» [Spinner, 1979a, S. 41].

Хельмут Шпиннер – один из трех основных адептов немецкого КР, наряду с Х. Альбертом – «вторым величайшим философом критического рационализма» [Niemann, 2001, S. 1]² – и «ранним» Х. Ленком³. Х. Шпиннер испытал сильное влияние К. Поппера в начале 1970-х гг., во время своей исследовательской работы в Отделе философии Лондонской школы экономики и политических наук, а также П. Фейерабенда и Х. Альберта, у которого он работал ассистентом в начале своей научной деятельности⁴. Однако в отличие от Х. Альберта, который наиболее последовательно развивал КР Поппера⁵, Шпиннера можно считать скорее критиком, чем последователем, «бичом» КР⁶ и в этом смысле, как и П. Фейерабенда, «двойным агентом» К. Поппера. Главный недостаток ортодоксального КР, как предпочитал Шпиннер именовать позднюю версию КР Поппера⁷ и немецкого КР в лице Х. Альберта и других, заключался в «дефиците» плюрализма и особенно критицизма⁸,

¹ О КР Х. Альберта см.: [Albert, 1991] (русский пер.: [Альберт, 2003]).

² Имеется в виду вторым после К. Поппера.

³ К «молодому поколению» немецких критических рационалистов, ученикам и последователям Х. Альберта можно отнести Бобо Абеля [Abel, 1983], Гуннара Андерссона [Andersson, 1988], Ханса-Йоахима Ниманна [Niemann, 2004].

⁴ Его заслугу Шпиннер видел прежде всего в том, что среди попперианцев Х. Альберт был единственным, кто в равной степени развивал фаллибилистскую составляющую и доктрину рациональности КР, не затушевывая при этом лейтмотив попперовского мышления, а именно: он предпринял серьезную попытку интегрировать теоретический плюрализм Фейерабенда в попперовский КР.

⁵ Тем не менее Альберт не разделял некоторые его взгляды: в частности, он не принял «онтологию трех миров», применение принципа рациональности, взамен попперовского принципа демаркации он предложил «принцип перехода», в то время как методология Поппера носила *конвенционалистский* характер, Альберт фактически свел ее к *технологии*, кроме того, он преодолел разделяемое Поппером позитивистское разграничение «контекста открытия» и «контекста обоснования». Подробнее об этом см.: [Franko, 2006, S. 40–42; Gadenne, Neck, 2021, S. 10–22].

⁶ Сам Шпиннер неоднократно заявлял, что он – «попперианец» и «критический рационалист». См.: [Spinner, 1978, S. 6].

⁷ Под поздней философией КР Поппера имеется в виду та ее версия, которая представлена в «Предположениях и опровержениях» (1963).

⁸ Собственно, всю доктрину КР Шпиннер отождествлял с критицизмом (фаллибилизмом), что, разумеется, неверно: это очень узкое понимание КР. Именно это «уравнение Поппера», как Шпиннер

который в ходе развития критицистской программы претерпел существенную метаморфозу: от «строгой критики» Поппера, правда, хоть и строгой, но исключавшей альтернативы, до тривиального понятия «сомнения» у Альберта⁹. А потому, предлагая свою версию КР, которую он называл «неортодоксальным КР», «критическим КР», «открытым КР» и «критическим плюрализмом», Шпиннер считал необходимым развивать КР в направлении «плюралистически расширенного фаллибилистского критицизма» фейерабендовского толка с некоторыми нововведениями. Именно в «усилении критики» Шпиннер видел выход из скрытого конфликта между доктриной критицизма и фаллибилистской моделью познания ортодоксального КР. Следует подчеркнуть, что под «усилением критики», «сверхмаксимальной критикой» («гиперкритикой») он имел в виду не «тотальную» критику, исключающую всякую возможность альтернатив, а критику в плюралистическом контексте: «уменьшение критики» по отношению к альтернативам, благодаря которому последние сохраняются, а это, в свою очередь, дает возможность подвергнуть эти альтернативы дополнительной критике. Стало быть, критицизм Шпиннера имеет смысл лишь в контексте плюрализма, между ними существует имманентная связь.

Хотя Шпиннер неоднократно заявлял о том, что в своих взглядах он ни в чем не отступал ни от Поппера, ни от Фейерабенда [см.: Spinner, 1979b, S. 46], тем не менее по отношению к последнему он занимал тройственную позицию: с одной стороны, он – в большей степени его сторонник, с другой – в меньшей степени критик, хотя есть и третья, менее популярная, но радикальная точка зрения, относящая Фейерабенда к «еретикам КР». Как сторонник, Шпиннер, безусловно, принял то, что можно было бы назвать «коперниканским переворотом» Поппера в методологии науки – поворот от эпистемологического фундаментализма к фаллибилистскому критицизму, ориентированному на разработку альтернативных теорий, – но без попперовско-альбертовской идеологии рациональности, без догматизации «идеи критики» и монополизации «идеала критической рациональности». У П. Фейерабенда Шпиннер позаимствовал его теоретический плюрализм, но без его «поссибилистского, салонно-анархистского хвоста» [Spinner, 1977, S. X]. В свою концепцию теоретического плюрализма и в ортодоксальный КР Шпиннер вносит ряд существенных изменений, а именно: во-первых, его плюрализм, в отличие от теоретического плюрализма Фейерабенда, претендует на универсальную значимость и возводится во всеобщий образ жизни¹⁰, который охватывает потенциально и принципиально все ее сферы и в котором определенную роль играют критическое познание и рациональная аргументация; во-вторых, как будет показано ниже, он дает отличное как от Т. Куна, так и Фейерабенда решение проблемы несоизмеримости; в-третьих, предложил отличную как от Поппера, так и Фейерабенда концепцию контингентной рациональности двойственного разума, двойственную природу которого с социологической точки зрения раскрыл М. Вебер; в-четвертых, подверг критике социальную философию ортодоксального

называл тождество рационального и критического, и стало предметом критики со стороны О.-П. Обермейера. См.: [Obermeier, 1980, S. 190].

⁹ Шпиннер считал, что немецкий КР настолько далеко отошел от КР Поппера, что он имел дело не с настоящим, историческим Поппером, а с его двойником. В целом же эволюционный путь, по которому шел Шпиннер к своей версии КР, схематично выглядит так: от эпистемологического фаллибилизма Поппера через теоретический плюрализм Фейерабенда к собственной концепции критического плюрализма.

¹⁰ Суть его Шпиннер выразил в следующей максиме: «Готовь пищу, люби, пой, строй согласно методическим принципам критического рационализма!» [Spinner, 1974, S. 224].

КР¹¹ и, как следствие этого, осуществил ее реформу на основе принципа критики К. Поппера, «критической теории» Ю. Хабермаса, в частности его теории коммуникации, и теоретического плюрализма П. Фейерабенда, о котором Шпиннер, выражаясь шахматным языком, пишет, что «своей авангардистской критикой разума и науки он (Фейерабенд. – *И.Ш.*) ставит мат критическому рационализму» [Spinner, 1985, S. 862]. К этому шахматному положению Фейерабенд пришел, пройдя путь от *плюрализма* теорий через *анархизм* в познании к *дадаизму* в искусстве как авангардистскому культу, иными словами, от научного рационализма к авангардистской критике разума.

Концепция критического плюрализма Х. Шпиннера

Свой выбор в пользу методологической парадигмы фаллибилистского критицизма попперовского толка Шпиннер объясняет тем, что, во-первых, в отличие от теоретического монизма, который является скорее «естественной», самоочевидной точкой зрения на решение проблемных ситуаций и дается нам, так сказать, уже «с молоком матери», отстаиваемый им теоретический плюрализм представляет собой «шоковую терапию для теорий и теоретиков»; во-вторых, он приводит к довольно радикальной переоценке многих ценностей в области религии, политики, педагогики, искусства и т.п.; в третьих, он не только свободен от присущих методологии фундаментализма и монизма неизлечимых дефектов, но и принимает во внимание такие факты, которыми, как правило, пренебрегают, как то, что все наше знание пропитано нашими желаниями, надеждами, боязнями, предрассудками и заблуждениями, что оно нагружено всякого рода человеческими ошибками, скрывающими напрочь истину, в которой мы никогда не можем быть уверены; в-четвертых, он благоприятствует равным образом как научному прогрессу, так и гуманистическому образу жизни, ориентированному на идеал терпимости, т.е. на исключение каких бы то ни было противоречий. Но в контексте такого радикального фаллибилистского критицизма, как полагает Шпиннер, принцип непротиворечивости обретает совершенно иную функцию, даже совершенно иную теоретико-познавательную интерпретацию, превращаясь из некритикабельной предпосылки познания в динамический, фаллибилистский регулятивный принцип, воздающий должное противоречиям как двигателю развития знания. Стало быть, в фаллибилистской модели познания исключение противоречий идет параллельно с их сознательным перманентным производством посредством введения противоречащих, конкурентоспособных альтернатив. Поскольку основное предназначение последних, по Шпиннеру, – делать теории строго критикабельными, то без них потенциал критицизма быстро бы иссяк.

Итак, подлинный, радикальный фаллибилистский критицизм предполагает плюрализм альтернатив, т.е. последний является составной частью первого, по словам Шпиннера, «фаллибилистский плюрализм представляет собой радикализацию эпистемологического фаллибилизма» [Spinner, 1974, S. 212]. Непосредственную связь фаллибилизма и плюрализма Шпиннер выражает в следующем тезисе: «В то время как акт обоснования по своему предназначению должен стремиться к выбору одной концепции из множества противоречащих друг другу альтернатив, то акт критики открывает принципиально неограниченное множество возможностей» [Ibid., S. 83], так как он не запрещает, а, напротив, стимулирует создание новых идей, мыслимых

¹¹ «Нельзя проводить аналогию между обществом и познанием: общепринятый вывод о переходе от теоретико-научного плюрализма к социально-политическому плюрализму ошибочен (“Жизненные потребности следует не фальсифицировать, а удовлетворять!”)» [Spinner, 1974, S. 236].

как альтернативы, т.е. создание новых альтернативных теорий. Более того, он требует, по словам Шпиннера, «как улучшения уже существующих альтернатив, чтобы сделать их конкурентоспособными для критики, так и поиска *новых* концепций, которые могут стать *лучшими* альтернативами для защищаемой здесь программы эпистемологического фаллибилизма и теоретического плюрализма. Фаллибилизм также можно обанкротить, и это не было бы несчастьем» [Spinner, 1974, S. 107]. В этом смысле радикальный фаллибилистский критицизм может пониматься как *требование* критиковать сам фаллибилистский плюрализм. Стало быть, фаллибилистский критицизм приводит непосредственно к теоретическому плюрализму, который следует из фальсификационистской методологии. Отсюда становится понятным, почему в своей эпистемологической модели Шпиннер исходит из *теоретического плюрализма*, основной лейтмотив которого звучит так: «Там, где возможны альтернативы, – а они возможны *всегда и везде* – нельзя сказать “последнего слова”, дать “окончательного решения”, нельзя дать ни необоснованного, ни окончательного достоверного знания...» И далее: «Любое произвольное начало – например, в форме даже совершенно ложных... концепций, теорий или метатеорий – достаточно для того, чтобы быть в фаллибилистской модели познания исходным пунктом для прогресса познания... Эпистемологический фаллибилизм не нуждается больше в своем начале познания... Ни одна инстанция не имеет эпистемологического авторитета: все гипотетично, погрешимо...» [Ibid., S. 12, 52, 55]. Стало быть, вопреки общепринятому представлению, что заблуждения всего лишь «человеческие слабости», в контексте фаллибилистского критицизма даже вездесущие заблуждения, ошибки, предрассудки оказываются полезными и необходимыми для прогресса познания, ибо посредством критики, понимаемой как перманентные строгие фальсификации, можно улучшить любую форму знания. С этой точки зрения заблуждения, предрассудки становятся предпосылкой и существенной составной частью познания. Именно этим *фаллибилистским* характером определяются сущность и специфика «критического плюрализма» Шпиннера, в структуру которого включаются два фундаментальных принципа: 1) *принцип радикализации плюрализма (гиперплюрализма)*; 2) *принцип погрешимости фаллибилизма (гиперфаллибилизма)* [Fallibilität des Fallibilismus]¹². Однако эти два методологических нововведения Шпиннера хотя и отвечали начатой Поппером фаллибилистской революции в гносеологии и методологии, все же они имманентно вели к теоретическому анархизму и релятивизму П. Фейерабенда, которые следовали из его идеи несоизмеримости теорий. Чтобы избежать этого, Шпиннер вводит в свою версию КР третий принцип – *требование минимальной соизмеримости теорий*.

Куна и Фейерабенд о несоизмеримости

Прежде чем обратиться к данному шпиннеровскому требованию, необходимо бросить ретроспективный взгляд на принцип несоизмеримости, который был введен в научный оборот, в частности в философию науки, Т. Куном и П. Фейерабендом. Известно, что научная программа Т. Куна, будучи единственной конкурентоспособной альтернативой фаллибилистскому плюрализму, по своим интенциям противостояла попперовскому фальсификационизму и фейерабендовскому теоретическому

¹² Принцип радикального фаллибилизма был подвергнут критике со стороны представителей трансцендентальной прагматики, в частности В. Кульманом, который упрекал Шпиннера в противопоставлении фаллибилизма методологии обоснования [об этом см.: Kuhlman, 1985a, S. 254–260, а также: Kuhlman, 1985b].

плюрализму, но тем не менее на этом проблемном поле была одна общая точка соприкосновения – это *проблема несоизмеримости*.

Как отмечал Т. Кун, термин «несоизмеримость» он вместе с П. Фейерабендом позаимствовал из математики «для описания отношений между успешными научными теориями... Утверждение, что две теории несоизмеримы, означает... что нет языка, нейтрального или иного, на который обе теории, понимаемые как набор предложений, могут быть переведены без остатка и потерь» [Кун, 2014, с. 46, 49], т.е. не существует общего языка, в котором обе теории могут быть успешными в ходе решения проблемы выбора теорий. По признанию самого Куна, его столкновение с несоизмеримостью было первым шагом на пути к «Структуре научных революций», и это понятие он считал главной инновацией своей книги.

Как известно, Фейерабенд исходил из того, что «проблема несоизмеримости возникает лишь тогда, когда анализируется изменение универсальных космологических концепций, частные же теории редко ведут к серьезным концептуальным изменениям» [Фейерабенд, 1986, с. 447]. Значит, по Фейерабенду, несоизмеримость предполагает важные концептуальные изменения, которые обусловлены прежде всего изменением базисных правил в строгих альтернативных теориях, а «не ad hoc гипотезами, изменяющимися от случая к случаю» [Фейерабенд, 1978, с. 434]. Более того, по его мнению, в отношении некоторых фундаментальных проблем могут существовать научные теории, которые взаимно несоизмеримы, «хотя внешне они имеют дело “с одним и тем же предметом”» [Фейерабенд, 1986, с. 434–435]. Поскольку несоизмеримость связана с фундаментальными концептуальными изменениями, то Фейерабенд считал ее явлением достаточно-таки редким. Она, по его мнению, имеет место только тогда, когда критерии осмысленности для терминов одного языка (теорий, точек зрения) налагают запрет на использование терминов другого языка (теорий, точек зрения). Обычные же изменения в значениях терминов не ведут к несоизмеримости.

В отличие от Куна, который выводил несоизмеримость из используемых в разных парадигмах понятий, между которыми невозможно установить логические отношения, Фейерабенд считал, что «одного различия в понятиях еще недостаточно для того, чтобы сделать теории несоизмеримыми... Для этого еще требуется, чтобы условия образования понятий одной теории исключали возможность образования фундаментальных понятий другой...» [Фейерабенд, 2010, с. 324], что, в свою очередь, ведет к таким интерпретациям, которые исключают возможность установления дедуктивных отношений между соперничающими строгими альтернативными теориями, имеющими дело с различными объективными положениями вещей, т.е. с различными онтологиями. Сущностное изменение онтологий при переходе от одной фундаментальной теории к другой (например, от ньютоновской физики к физике эйнштейновской) приводит нередко к *концептуальным изменениям*, в частности к тому, что, по словам Фейерабенда, «новые законы не только будут *читаться* по-другому, они будут противоречить предшествующим классическим законам *также по своему содержанию*» [Фейерабенд, 1978, с. 430]. Будут ли две отдельные фундаментальные теории несоизмеримыми или нет, зависит от их интерпретации: в одних интерпретациях они будут соизмеримы, в других – несоизмеримы. Тем не менее, как отмечает Фейерабенд, имеются такие пары теорий (например, классическая физика и квантовая теория, классическая механика и теория относительности), которые в своей традиционной интерпретации оказываются несоизмеримыми. Правда, по словам Фейерабенда, «не слишком трудно выдумать интерпретацию, превращающую несоизмеримые теории в соизмеримые, однако ни один философ до сих пор не смог добиться того, чтобы его интерпретация позволила решить все те проблемы, которые были решены посредством отбрасываемой им интерпретации» [Фейерабенд, 2010, с. 102].

Тотальная несоизмеримость делает теории замкнутыми, своеобразными монадами, которые никоим образом не могут вступить в конфликт между собой. Стало быть, между конкурирующими теориями исключается возможность какой-либо соизмеримости¹³. Иными словами, несоизмеримость у Фейерабенда означает невозможность сравнивать теории друг с другом, что фактически исключает возможность внешней критики любой теории со стороны других. К этому собственно и сводится смысл тезиса несоизмеримости Фейерабенда, имевшего далеко идущие последствия для формирования методологического анархизма: если нет возможности сравнивать одну концепцию с другой, нет общего критерия для их оценки и осуществления выбора между ними, то, следовательно, «все оправдано», «все допустимо». И все же, несмотря на тотальную несоизмеримость между строго альтернативными теориями, Фейерабэнд пытался найти средства, позволяющие сравнивать такие теории, за пределами их содержания. В качестве таковых средств он выделял *формальные критерии*, а именно: *логическая последовательность (логическая стройность)* теории, *минимум аппроксимаций*, *количество предсказанных фактов* и другие. Правда, эти критерии по своей сути субъективны, что, по словам Фейерабенда, «превращает выбор теории из “рациональной” и “объективной” шаблонной процедуры в весьма сложное решение, включающее в себя конфликтующие предпочтения, и пропаганда будет играть в нем главную роль...» [Фейерабэнд, 2010, с. 101]. Следует отметить, что такого рода апелляция к иррациональным средствам при выборе между конкурирующими теориями является на самом деле мифом, инспирированным утверждением о том, что теоретическая нагруженность опыта и эмпирических высказываний ведет к невозможности рационально обсуждать различные теории, картины мира, парадигмы. Именно этот миф является источником тезиса несоизмеримости и связанного с ним гносеологического анархизма.

Кун хотя и придерживался близких Фейерабенду в этом вопросе взглядов, все же в отличие от него, утверждавшего полную несоизмеримость, допускал возможность частичной или неполной коммуникации¹⁴, характерной для дискуссий между сторонниками несоизмеримых точек зрения: «...все, что могут достигнуть участники процесса ломки коммуникации, – это осознать друг друга как членов различных языковых сообществ и выступить затем в роли переводчиков с одного языка на другой... Каждый будет обучен переводить теорию другого и ее следствия на свой собственный язык и в то же время описывать на своем языке тот мир, к которому применяется данная теория» [Кун, 1977, с. 263–264]. Такая частичная или неполная коммуникация достигалась, по Куну, путем не просто перевода теории или представления о мире «на язык какого-то научного сообщества – это не значит еще сделать ее принадлежностью данного сообщества, поскольку ее надлежит перенять, раскрыть, как она мыслится и работает, а не просто ее “переложить” с одного языка на другой, с языка, который был раньше чужим» [Там же, с. 266].

Итак, по мнению Куна, хотя различные парадигмы и несоизмеримы, тем не менее они взаимопереводимы. Такой перевод, а стало быть, и коммуникация между представителями различных научных сообществ становятся возможными благодаря

¹³ Выбор между двумя конкурирующими теориями (например, между птолемеевой и коперниканской, имевшими общие базисные высказывания и, следовательно, бывшими эмпирически лишь частично соизмеримы), по Фейерабенду, должен осуществляться иррациональными средствами, например путем пропаганды, убеждений, уговоров или внезапных озарений, что собственно и происходило, как он считает, с историко-научной точки зрения.

¹⁴ Кун сетовал на философов, которые, как он полагал, исказили его позицию по этому вопросу, считая, что между сторонниками несоизмеримых теорий вообще не может быть никакой коммуникации, а потому якобы выбор в пользу той или иной теории должен осуществляться не путем апелляции к надежным основаниям, а исходя из каких-то личных и субъективных соображений. Такого рода домыслы философов послужили поводом для обвинения Куна в иррационализме.

тому, что их обыденный мир и большая часть научного мира и язык являются для них общими. Именно это и позволяет сравнивать несоизмеримые теории, разрешает участникам коммуникаций оценивать достоинства и недостатки взглядов друг друга. Потому для Куна перевод – это мощное средство для и убеждения, и переубеждения, которые, правда, не всегда удаются, а даже если и удаются, то они не обязательно приводят к принятию новой парадигмы. А убедить кого-либо, по словам Куна, – «это значит внушить ему, что чье-то мнение обладает превосходством и может заменить его собственное мнение» [Кун, 1977, с. 264]. Переубеждение же Кун сравнивает с переключением гештальта, которое образует сердцевину революционного процесса в науке. В этом процессе достаточные основания для выбора теории обеспечиваются мотивами для переубеждения.

Идея взаимопереводимости различных несоизмеримых парадигм послужила основанием для обвинения Куна в релятивизме. В ответ на это обвинение он заметил, что его позиция действительно является релятивистской, но только применительно к культуре, ее развитию, членам различных культурных и языковых сообществ, но никак не по отношению к науке, в которой главным критерием при выборе теории является способность членов научного сообщества формулировать и решать головоломки, а также их следование определенной системе ценностей, внутри которой, по словам Куна, «они должны предпочитать простое сложному, естественное – искусственному, плодотворное – бесплодному, точное – неопределенному и так далее...» [Кун, 1978, с. 282]. В последовательности научных теорий, по мнению Куна, лучше приспособлены для решения головоломок как раз более поздние научные теории, чем ранние, поскольку «научное развитие, подобно развитию биологического мира, представляет собой однонаправленный и необратимый процесс» [Кун, 1977, с. 268]. Очевидно, что переход от одной теории к другой Кун основывает на *вере* научного сообщества в научный прогресс, на вере в том, что более поздняя теория будет более плодотворной, чем ранняя, стало быть, он находит критерий выбора теории за пределами рациональной аргументации, логики и эксперимента. Именно на этом основании И. Лакатос обвинял Куна в иррационализме.

Принцип минимальной соизмеримости Х. Шпиннера

Как и Фейерабенд, Шпиннер столкнулся с проблемой несоизмеримости вследствие отстаивания им *теоретического плюрализма*, следующего, в свою очередь, из фаллибилистского критицизма К. Поппера. Теоретический плюрализм как принципиально новая и революционная гносеологическая программа зиждется на основополагающих принципах критицистской методологии. Предлагаемый Шпиннером фаллибилистский плюрализм требует полной критикабельности теорий, делая их более «стойкими» перед натиском критики. При этом теоретический плюрализм имеет дело с целым океаном альтернативных теорий, подвергая их всех одновременно «испытанию».

Говоря о плюрализме теорий, Шпиннер подчеркивает, что он имеет место лишь тогда, когда существует плюральность теорий, находящихся друг к другу в отношении взаимной критики. Следовательно, ни одна точка зрения *сама по себе* не может претендовать быть «плюрализмом»: существует плюрализм теорий, но не существует теорий «плюралистических» или «не-плюралистических». Поэтому ни одна теория, ни одна теоретическая альтернатива не может *законно* исключаться из конкуренции плюралистических идей на том основании, что они являются «не-плюралистическими». Следовательно, в условиях свободной конкуренции теорий ни одна точка зрения не может уклоняться от критики, обладать «иммунитетом от критики»: любые теории открыты для критики. Критика же возможна лишь там, где имеет

место логическая непоследовательность или несовместимость, там, где возможно подлинное столкновение идей, противоречие. А минимальным условием для подлинной конкуренции идей, теорий является множество одновременно существующих теорий, максимум же критики может быть обеспечен лишь с помощью максимально строгих и глобальных альтернатив. По словам Шпиннера, «самая строгая и эффективная критика – критика *в свете теорий и через теории* – следовательно, с помощью альтернативных теорий» [Spinner, 1974, S. 87]. Стало быть, подлинный критицизм и плюрализм предполагает не просто разнообразие мнений, точек зрения и теорий, а «контрастирующие, провоцирующие, конкурирующие, поставленные под сомнение мнения, точки зрения и теории, диалектически – критически противостоящие» [Spinner, 1971, S. 37].

По мнению философа, критика посредством альтернативных теорий, или, иными словами, теоретический плюрализм *необходим*, потому что: 1) одни только факты не могут фальсифицировать теорию: лишь в своей критической функции, усиленной альтернативными теориями, факты являются достаточно сильной критической инстанцией (иными словами, без альтернативных теорий притупляется «пробный камень опыта»; 2) так называемая «метафизическая» часть теории¹⁵ может быть подвергнута критике только посредством альтернативных теорий; 3) даже самый эффективный тип экспериментальной проверки – так называемый решающий эксперимент – без альтернатив невозможен; 4) не фальсифицируемые непосредственно эмпирически теории могут фальсифицироваться при определенных обстоятельствах с помощью альтернатив, т.е. теоретические альтернативы могут привлекаться в качестве критических инстанций для «неопровержимых» теорий; 5) альтернативы могут приводить к открытию новых фактов, которые без активного участия альтернативных теорий, вероятно, никогда бы не были открыты; 6) без альтернатив невозможны научные революции; 7) теоретические альтернативы являются лучшим средством для обострения предшествующего научной революции кризиса господствующей парадигмы [см.: Spinner, 1974, S. 87–89]. По словам Шпиннера, «кризисы вследствие изобилия плюралистических идей и соответственно острой конкуренции теорий... являются не катастрофами, а родовыми схватками рождения науки» [Ibid., S. 90].

Вслед за Фейерабендом Шпиннер воспроизводит теоретический плюрализм на методологическом уровне, содержание которого образуют следующие «метаметодологические», нормативные правила, являющиеся по сути *регулятивными принципами*:

Первым и основным среди них является правило: «**Чем больше идей, тем лучше!** Чем больше идей вступает в игру и чем они лучше, тем активнее и плодотворнее может быть плюралистическая конкуренция идей» [Ibid.]. Это правило, по мнению Шпиннера, означает, что предлагаемая им прогрессивная методология не ставит никаких границ новым идеям. Напротив, она должна содействовать их постоянному возникновению.

Второе, не менее важное правило: *наука должна приветствовать теоретический плюрализм как «хаос мнений»*. Однако для прогрессивного развития знания важны не любые, а лишь конкурирующие альтернативные идеи, в процессе конкуренции которых можно выбирать наилучшие и исключать ненужные. Это правило выражает *компетентно-селективный аспект* методологии.

Третье правило, отражающее *элиминативный аспект* методологии, требует избавляться от идей, оказавшихся неплодотворными для науки и сдерживающими дальнейшее развитие знания.

¹⁵ Под ней Шпиннер понимает находящуюся за пределами эмпирической фальсифицируемости трансэмпирическую гипотетическую составляющую научной теории.

Четвертое правило – это принцип сохранения, требующий отказаться от преждевременного исключения идей, что должно содействовать проверке их на «выносимость», необходимому «росту» теорий и их максимальному использованию¹⁶.

Введение Шпиннером в свою методологию принципа сохранения приводит к существенному расхождению его концепции с ортодоксальным КР, ибо плюрализм Поппера и Альберта является прежде всего элиминативным, т.е. в этом случае подвергнутая критике теория исключается. Не-элиминативный плюрализм же допускает не любые идеи, теории, а лишь альтернативные теории.

Понимаемый таким образом плюрализм со всей остротой ставит проблему соизмеримости научных теорий, которой Шпиннер дает свое, отличное как от Поппера, так и Фейерабенда и Куна, решение.

Согласно Попперу, соизмеримые теории как минимум должны отвечать следующим объективным критериям: 1) информационному содержанию теории; 2) ее проверяемости; 3) фактическому успеху теории; 4) ее объяснительной силе; 5) аппроксимации истины и т.д. Посчитав эти попперовские критерии недостаточными для осуществления выбора между соизмеримыми теориями, Шпиннер обращается к доктрине тотальной несоизмеримости Фейерабенда и Куна, согласно которой условие соизмеримости невыполнимо в случаях конкуренции теорий. Осуществив критический анализ позиций Поппера, с одной стороны, и Фейерабенда и Куна – с другой, Шпиннер обнаруживает значительную брешь между этими позициями, позволяющую ему отвергнуть как попперовскую теорию аппроксимации истины, так и тезис тотальной несоизмеримости, которая в любом случае превратила бы теории в закрытые монады, а стало быть, они никогда бы не смогли вступить в конфликт между собой и в конце концов превратили бы теоретический плюрализм в плюрализм *иррациональный*. Иными словами, защищаемый Шпиннером теоретический плюрализм ничего общего не имеет с неуклюжим, извращенным плюрализмом, каковым оказывается на деле теоретический монизм. Образовавшуюся брешь между концепциями Поппера, с одной стороны, и Куна и Фейерабенда – с другой, Шпиннер заполняет требованием минимальной соизмеримости.

По мнению Шпиннера, рациональная дискуссия, критика возможны прежде всего только там, где имеют место противоречия, а последние, в свою очередь, возможны лишь между соизмеримыми теориями, содержащими минимум общего. Поскольку же принципиально несоизмеримые теории не имеют ничего общего, то они уклоняются от критики, по крайней мере, критики «извне». Несмотря на это, с точки зрения Шпиннера, несоизмеримые теории отнюдь не бесполезны, ибо благодаря «теориям-перехода» они могут стать соизмеримыми, хотя бы в минимальном смысле: минимальная соизмеримость означает, что конкурирующие теории соизмеримы хотя бы в одном существенном моменте. И эта минимальная соизмеримость является наиболее существенной и желанной для теоретического плюрализма, так как лишь она обеспечивает максимальную критику альтернативных теорий, расширяя тем самым возможности конфронтации и усиливая в целом плюралистический критицизм.

Согласно Шпиннеру, запрет несоизмеримых теорий никоим образом не приводит к стагнации научного знания, в таком случае рост знания регламентируется с помощью принципа Вильгельма – Буша¹⁷, который может содействовать возникновению

¹⁶ Подробнее о «метаметодологических» правилах теоретического плюрализма см.: [Шишков, 2019, с. 178–182].

¹⁷ Принцип Вильгельма – Буша – консервативный *монистический* принцип, используемый прежде всего в индуктивной логике и предназначенный для априорного исключения новых идей и сохранения принятых точек зрения. Тем самым он препятствует плюрализму и прогрессу знания. Этот принцип, по существу, радикально отличается от принципа сохранения, являющегося по природе принципом *плюралистическим*.

будущих альтернатив. И если цель науки – достижение максимально возможного роста научного знания, то теоретический плюрализм, как было показано выше, оказывается для этого наиболее подходящим.

Задаваясь вопросом об осуществимости фаллибилистско-плюралистической программы познания, Шпиннер ссылается на существенный исторический факт ее осуществления в далеком прошлом: «Начиная с рождения науки в героическую греческую эпоху досократиков, теоретический плюрализм является действительной практикой мышления и исследования науки в ее наиболее плодотворных периодах, революционных фазах... так что попперовский лозунг “Назад к досократикам!” может рассматриваться как разумная, крайне прогрессивная максима» [Spinner, 1974, S. 99–100].

Фаллибилистская модель познания Х. Шпиннера

Осуществленная выше реконструкция фаллибилистского критицизма и плюрализма позволяет теперь хотя бы схематично представить себе фаллибилистскую модель познания, которая, по мнению Шпиннера, образует, выражаясь словами И. Лакатоса, теоретико-познавательное «жесткое ядро» КР и была разработана в ортодоксальном КР лишь частично. Основу предлагаемой им модели составляет теоретический плюрализм. Разумеется, Шпиннер, как и все фаллибилисты-критицисты, далек от того, чтобы оправдывать заблуждения лишь человеческими слабостями. На самом деле они стремятся утвердить право человека на заблуждения и защитить эпистемологическую ценность последних для развития познания. Стало быть, развитию познания не ставится цель в форме фиксированного конечного пункта, заранее ему не задается определенная линия развития. Такого рода фаллибилизм претендует в рамках критицистской программы на роль метафизики в форме «метафизического реализма», содержание которого образует знаменитый попперовский мир-3. Этот реализм Шпиннера характеризуется прежде всего тем, что наличие абсолютно истинного, неизменного человеческого знания есть всего лишь творение человека, т.е. принимаемое на основе соглашения знание.

Таким образом, так называемый «метафизический реализм» Шпиннера ничего общего не имеет с традиционным онтологическим реализмом, он скорее всего сродни обычному гносеологическому конструктивизму. По мнению Шпиннера, научное знание конструируется посредством альтернативных теорий как относительно автономный, саморегулирующийся когнитивный процесс. По его словам, «реальность всегда следует за идеалами» [Ibid., S. 100] науки¹⁸, которые сами оказываются продуктами теоретической идеализации и популяризации. Эти идеалы не зарождаются в недрах науки, они не играют никакой роли в исследовательской практике, более того, они оторваны от реальной практики познания. Стало быть, эпистемологическо-методологические критерии и правила, нормирующие наше знание, не изыскиваются, а конструируются. Они нам не навязываются «природой» объектной области, законов природы или посредством иных инстанций, они являются, по сути, конвенциями, выбранными в соответствии с познавательной целью и условиями ее осуществимости. Ключом к их сущностному пониманию служит известный методологический принцип Шпиннера «*все возможно*»: от рассуждений о начале

¹⁸ Разумеется, идеалы науки ничего общего не имеют с реальной историей познания, поскольку, как замечает Шпиннер, «практика, в лучшем случае, лишь в *тенденции* соответствует *идеалу познания*...» [Spinner, 1977, Bd. 1, S. 15]. Невозможность «единства теории и практики» совершенно естественна, и было бы плохо, по словам немецкого философа, «если бы такая возможность существовала, ибо в науке не все разумное – действительно и не все действительно – разумно» [Ibid.].

познания, в качестве которого может выступать любое человеческое знание, даже если оно ложное, вплоть до того, что нет никакого существенного различия между рациональными научными теориями и иррациональными мифами. Это шпиннеровское «*все возможно*», как и фейерабендовское «*все дозволено*»¹⁹, означает лишь то, что не существует совершенно универсальных, не имеющих границ в своем применении и надежных методологических правил, норм и стандартов. Таковы последствия гипертрофированного фаллибилизма (гиперфаллибилизма). И этот итог, по видимому, не случаен, поскольку логика гиперфаллибилизма и гиперплюрализма с необходимостью приводит к подобному результату.

Список литературы

- Альберт, 2003 – *Альберт Х.* Трактат о критическом разуме / Пер. с нем. И.З. Шишкова. М.: Едиториал УРСС, 2003. 264 с.
- Кун, 1977 – *Кун Т.* Структура научных революций / Пер. с англ. И.З. Налетова. Второе изд. М.: Прогресс, 1977. 320 с.
- Кун, 1978 – *Кун Т.* Замечания на статью Лакатоса // Структура и развитие науки (Из Бостонских исследований по философии науки) / Сборник переводов под общ. ред. Б.С. Грязнова и В.Н. Садовского. М.: Прогресс, 1978. С. 270–283.
- Кун, 2014 – *Кун Т.* После «Структуры научных революций» / Пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ, 2014. 443 с.
- Фейерабенд, 1978 – *Фейерабенд П.* Ответ на критику // Структура и развитие науки (Из Бостонских исследований по философии науки) / Сборник переводов под общ. ред. Б.С. Грязнова и В.Н. Садовского. М.: Прогресс, 1978. С. 419–470.
- Фейерабенд, 1986 – *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки / Пер. с англ. и нем. А.Л. Никифорова. М.: Прогресс, 1986. 542 с.
- Фейерабенд, 2010 – *Фейерабенд П.* Наука в свободном обществе / Пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ, 2010. 378 с.
- Шишков, 2019 – *Шишков И.З.* В поисках новой рациональности: философия критического разума. М.: Едиториал УРСС, 2019. 398 с.
- Abel, 1983 – *Abel B.* Grundlagen der Erklärung menschlichen Handelns: Zur Kontroverse zwischen Konstruktivisten und kritischen Rationalisten. Tübingen: J.C.B. Mohr Siebeck, 1983. 210 S.
- Albert, 1991 – *Albert H.* Traktat über kritische Vernunft. 5. verb. und erw. Aufl. Tübingen: J.C.B. Mohr Siebeck, 1991. 284 S.
- Anderson, 1988 – *Anderson G.* Kritik und Wissenschaftsgeschichte. Kuhns, Lakatoss und Feyerabends Kritik des kritischen Rationalismus. Tübingen: J.C.B. Mohr Siebeck, 1988. 218 S.
- Bartley, 1980 – *Bartley W.W.* Ein schweriger Mensch. – Eine Portraitskizze von Sir Karl Popper // Nordhofen E. (hrsg.) Philosophen des 20. Jahrhunderts in Portraits. Königstein: Athenäum, 1980. S. 45–89.
- Franko, 2006 – *Franko G.* Der kritische Rationalismus als Herausforderung für den Glauben // Aufklärung und Kritik. Zeitschrift für freies Denken und humanistische Philosophie. (GKP) Nürnberg, 2006. Heft 1. S. 40–66.
- Gadenne, Neck, 2021 – *Gadenne V., Neck R.* Hans Albert zum 100. Geburtstag // Aufklärung und Kritik. Zeitschrift für freies Denken und humanistische Philosophie. (GKP) Nürnberg, 2021. Heft 2. S. 8–28.
- Kuhlman, 1985a – *Kuhlman W.* Reflexive Letztbegründung: Untersuchungen zur Transzendentalpragmatik. Freiburg; München: K. Alber, 1985. 346 S.
- Kuhlman, 1985b – *Kuhlman W.* Reflexive Letztbegründung versus radikaler Fallibilismus: Eine Replik // Zeitschrift für allgemeine Wissenschaftstheorie. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1985. Bd. XVI. H. 2. S. 357–374.
- Niemann, 2001 – *Niemann H.-J.* Hans Albert und die philosophischen Schulen // Aufklärung und Kritik. Zeitschrift für freies Denken und humanistische Philosophie. (GKP) Nürnberg, 2001. Heft 1. S. 1–13.

¹⁹ Этот принцип был заимствован Фейерабендом у основоположника дадаизма, австрийского и немецкого художника и теоретика искусства Рауля Хаусмана (1886–1971).

Niemann, 2004 – *Niemann H.-J.* Lexikon des Kritischen Rationalismus (Encyclopaedia of Critical Rationalism). Tübingen: J.C.B. Mohr Siebeck, 2004. 432 S.

Obermeier, 1980 – *Obermeier O.-P.* Poppers “Kritischer Rationalismus”: Eine Auseinandersetzung über die Reichweite seiner Philosophie. München: Ernst Fögel, 1980. 213 S.

Spinner, 1971 – *Spinner H.F.* Theoretischer Pluralismus. – Prolegomena zu einer kritizistische Methodologie und Theorie der Erkenntnisfortschritts // Sozialtheorie und soziale Praxis / H. Albert, hrsg. Meisenheim am Glan: Hein-Verlag, 1971. S. 17–41.

Spinner, 1974 – *Spinner H.F.* Plüralismus als Erkenntnismodell. Frankfurt a/M.: Suhrkamp, 1974. 300 S.

Spinner, 1977 – *Spinner H.F.* Begründung, Kritik und Rationalität. Zur philosophischen Grundlagentheorie des Rechtfertigungsmodells der Erkenntnis und der kritischen Alternative. Bd. 1. Braunschweig: Vieweg, 1977. 307 S.

Spinner, 1978 – *Spinner H.F.* Popper und die Politik. Rekonstruktion und Kritik des Social-, Polit- und Geschichtsphilosophie des kritischen Rationalismus. Bd. 1. Berlin; Bonn: Verlag J.H.W. Dietz, 1978. 624 S.

Spinner, 1979a – *Spinner H.F.* Kritischer Rationalismus heute – eine Gespräch mit Helmut Spinner “Die Gesellschaft ist kein akademischer Debattierclub” // Psychologie heute. 1979. Bd. 6. Heft 7. S. 14–21.

Spinner, 1979b – *Spinner H.F.* Kritischer Rationalismus heute – eine Gespräch mit Helmut Spinner “Wo Wissen Privileg ist, wird Kritik zur Waffe” // Psychologie heute. 1979. Bd. 6. Heft 8. S. 41–46.

Spinner, 1982 – *Spinner H.F.* Ist der kritischer Rationalismus am Ende? Weinheim-Basel: Baltz, 1982. 133 S.

Spinner, 1983 – *Spinner H.F.* Zur gegenwertigen Problemlage des kritischen Rationalismus. – In Ordnung, am Ende oder im Aufbruch? // Information Philosophie. 1983. Bd. 2. S. 80–87.

Spinner, 1985 – *Spinner H.F.* Wissenschaft kommt nicht von Wissen, und Kunst kommt nicht von Können, aber Wissenschaft ist trotzdem keine Kunst // Merkur. Deutsche Zeitschrift für europäisches Denken. 1985. Heft 9/10. S. 859–878.

Principle the Minimum Commensurability of H. Spinner

Ivan Z. Shishkov

Department of Philosophy, Pirogov Russian Research National Medical University. 1 Ostrovitianov str., Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: ivan_shishkov@list.ru

The article attempts to reconstruct the solution of the fundamental for the Anglo-American historical school (T. Kuhn, I. Lakatos, P. Feyerabend) *problem of incommensurability*, proposed by Helmut Spinner, a prominent representative of German critical rationalism (hereinafter referred to as CR). It is shown that this solution became possible on the way of rethinking the shortcomings of the orthodox CR of K. Popper and H. Albert, the main one of which Spinner saw in “scarcity” pluralism and criticism. To overcome it, he considered it necessary to develop the KR in the direction of “pluralistically extended fallibilist criticism” of the Feyerabend persuasion with some innovations. Spinner’s new version of the CR, was based on the following three fundamental principles: 1) *the principle of radicalization of pluralism (hyperpluralism)*; 2) *the principle of the infallibility of fallibilism (hyperfallibilism) (Fallibilität des Fallibilismus)*; 3) *the principle (requirement) of the minimum commensurability of theories*. The essence and content of the third principle is as follows. Minimal commensurability means that competing theories are commensurate, at least in one essential point: commensurability of this kind is mediated by “transition theories”. Incommensurable theories are by no means useless, for thanks to “transition theories” they can become commensurate, at least in a minimal sense. And this minimum commensurability is the most essential and desirable for theoretical pluralism, since only it provides the maximum criticism of alternative theories, thereby expanding the possibilities of confrontation and strengthening pluralistic criticism in general.

Keywords: Helmut Spinner, critical rationalism, the problem of incommensurability, pluralism, fallibilist criticism, the principle of hyperpluralism, the principle of hyperfallibilism, the principle of minimum commensurability, alternative theories

References

- Abel B. *Grundlagen der Erklärung menschlichen Handelns: Zur Kontroverse zwischen Kostruktivisten und kritischen Rationalisten*. Tübingen: J.C.B. Mohr Siebeck, 1983. 210 S.
- Albert H. *Traktat über kritische Vernunft*. 5. verb. und erw. Aufl. Tübingen: J.C.B. Mohr Siebeck, 1991. 284 S.
- Albert H. *Traktat o kriticheskom razume* [Treatise on the Critical Mind], trans. by I.Z. Shishkov. Moscow: Editorial URSS Publ., 2003. 264 p. (In Russian)
- Anderson G. *Kritik und Wissenschaftsgeschichte. Kuhns, Lakatos und Feyerabends Kritik des kritischen Rationalismus*. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1988. 218 S.
- Bartley W.W. Ein schweriger Mensch. – Eine Portraitskizze von Sir Karl Popper. In: Nordhofen E. (hrsg.) *Philosophen des 20. Jahrhunderts in Portraits*. Königstein: Athenäum, 1980. S. 45–89.
- Feyerabend P. Otvet na kritiku [Reply to Criticism]. In: *Struktura i razvitije nauki (Iz Bostonskikh issledovanii po filosofii nauki)* [The Structure and Development of Science: from Bostons Studies in the Philosophy of Science], ed. by B.S. Gryaznov, V.N. Sadovskii. Moscow: Progress Publ., 1978, pp. 419–470. (In Russian)
- Feyerabend P. *Izbrannye trudy po metodologii nauki* [Selected Works of Scientific Methodology], trans. by A.L. Nikiforov. Moscow: Progress Publ., 1986. 542 p. (In Russian)
- Feyerabend P. *Nauka v svobodnom obshchestve* [Science in a Free Society], trans. by A.L. Nikiforov. Moscow: AST Publ., 2010. 378 p. (In Russian)
- Franko G. Der kritische Rationalismus als Herausforderung für den Glauben. In: *Aufklärung und Kritik. Zeitschrift für freies Denken und humanistische Philosophie*. 2006. Heft 1. S. 40–66.
- Gadenne V., Neck R. Hans Albert zum 100. Geburtstag. In: *Aufklärung und Kritik. Zeitschrift für freies Denken und humanistische Philosophie*. 2021. Heft 2. S. 8–28.
- Kuhlman W. *Reflexive Letztbegründung: Untersuchungen zur Transzendentalpragmatik*. Freiburg; München: K. Alber, 1985. 346 S.
- Kuhlman W. Reflexive Letztbegründung versus radikaler Fallibilismus: Eine Replik. In: *Zeitschrift für allgemeine Wissenschaftstheorie*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1985. Bd. XVI. H. 2. S. 357–374.
- Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The Structure of Scientific Revolutions], trans. by I.Z. Naletov, Second Edition. Moscow: Progress Publ., 1977. 320 p. (In Russian)
- Kun T. Zamechaniya na stat'yu Lakatosa [Notes on Lakatos]. In: *Struktura i razvitije nauki (Iz Bostonskikh issledovanii po filosofii nauki)* [The Structure and Development of Science: Bostons Studies in the Philosophy of Science], ed. by B.S. Gryaznov, V.N. Sadovskii. Moscow: Progress Publ., 1978, pp. 270–283. (In Russian)
- Kun T. *Posle "Struktury nauchnykh revolyutsii"* [The Road since Structure], trans. by A.L. Nikiforov. Moscow: AST Publ., 2014. 443 p. (In Russian)
- Niemann H.-J. Hans Albert und die philosophischen Schulen. In: *Aufklärung und Kritik. Zeitschrift für freies Denken und humanistische Philosophie*. 2001. Heft 1. S. 1–13.
- Niemann H.-J. *Lexikon des Kritischen Rationalismus* (Encyclopaedia of Critical Rationalism). Tübingen: J.C.B. Mohr Siebeck, 2004. 432 S.
- Obermeier O.-P. *Poppers "Kritischer Rationalismus": Eine Auseinandersetzung über die Reichweite seiner Philosophie*. München: Ernst Fögel, 1980. 213 S.
- Shishkov I.Z. V poiskakh novoi ratsional'nosti: filosofiya kriticheskogo razuma [In Search of New Rationality: the Philosophy of Critical Reason]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2019. 398 p. (In Russian)
- Spinner H.F. Theoretischer Pluralismus. – Prolegomena zu einer kritizistische Methodologie und Theorie der Erkenntnisfortschritts. In: *Sozialtheorie und soziale Praxis*, hrsg. von H. Albert. Meisenheim am Glan: Hein-Verlag, 1971. S. 17–41.
- Spinner H.F. *Plúralismus als Erkenntnismodell*. Frankfurt a/M.: Suhrkamp, 1974. 300 S.
- Spinner H.F. *Begründung, Kritik und Rationalität. Zur philosophischen Grundlagenproblematik des Rechtfertigungsmodells der Erkenntnis und der kritischen Alternative*. Bd. 1. Braunschweig: Vieweg, 1977. 307 S.
- Spinner H.F. *Popper und die Politik. Rekonstruktion und Kritik des Social-, Polit- und Geschichtsphilosophie des kritischen Rationalismus*. Bd. 1. Berlin; Bonn: Verlag J.H.W. Dietz, 1978. 624 S.
- Spinner H.F. Kritischer Rationalismus heute – eine Gespräch mit Helmut Spinner "Die Gesellschaft ist kein akademischer Debattierclub", *Psychologie heute*, Bd. 6, Heft 7, 1979, S. 14–21.

Spinner H.F. Kritischer Rationalismus heute – eine Gespräch mit Helmut Spinner “Wo Wissen Privileg ist, wird Kritik zur Waffe”, *Psychologie heute*, Bd. 6, Heft 8, 1979, S. 41–46.

Spinner H.F. *Ist der kritischer Rationalismus am Ende?* Weinheim; Basel: Baltz, 1982. 133 S.

Spinner H.F. Zur gegenwertigen Problemlage des kritischen Rationalismus. – In Ordnung, am Ende oder im Aufbruch? *Information Philosophie*, 1983, Bd. 2, S. 80–87.

Spinner H.F. Wissenschaft kommt nicht von Wissen, und Kunst kommt nicht von Können, aber Wissenschaft ist trotzdem keine Kunst, *Merkur. Deutsche Zeitschrift für europäisches Denken*, 1985, Heft 9/10, S. 859–878.